ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

От “ВЕРНАКУЛЯРНЫХ” МУЗЕЕВ К “ПРОШЛОМУ СВОИМИ РУКАМИ”

Е.А. Мельникова

Екатерина Александровна Мельникова | <http://orcid.org/0000-0001-6764-9240> | Melek@eu.spb.ru | к. и. н., доцент | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Ключевые слова

музеи, наследие, коммеморации, коллективная память, вернакулярная память, мемориальный активизм

Аннотация

Статья посвящена понятию “вернакулярные музеи”, предложенному Ириной Слепцовой (Кызласовой) и Еленой Чесноковой в одном из номеров журнала “Этнографическое обозрение”. Откликаясь на идею авторов, я продолжаю начатую ими линию рассуждения, расширяя контекст анализа этого явления. В статье рассматриваются проблемы, затрудняющие использование термина “вернакулярный музей”, включая наличие предшественников таких музеев, противоречия, заложенные в систему типологизации музейного разнообразия, обусловленные ее использованием как в области практики, так и в области анализа, а также проблемы, связанные с концептуализацией вернакуляров как значимого Другого относительно официально признанных образцов музеестроительства. В статье предлагается альтернативный ракурс анализа современных форм музейных инициатив, позволяющий включить их в один ряд с типологически близкими формами низовых коммемораций и мемориального активизма.

В шестом номере журнала “Этнографическое обозрение” была опубликована важная и интересная статья Ирины Кызласовой и Елены Чесноковой (Слепцова [Кызласова], Чеснокова 2023), посвященная странным музеям, хорошо знакомым как профессиональным музейщикам, так и антропологам, — музеям, которые не только не укладываются в привычные классификации, но как будто даже сопротивляются самой музейной номенклатуре. Авторы предложили для их обозначения понятие “вернакулярные музеи”. Не столько споря с этой идеей, сколько пытаясь продолжить начатую дискуссию, я бы хотела дополнить ее несколькими критическими соображениями и немного расширить общий контекст обсуждения.

Странные музеи, которые сегодня встречаются на каждом шагу и при этом совершенно не похожи на классические образцы современного музеестроительства, плохо поддаются дескриптивному определению — их невозможно объединить ни по профилю, ни по ведомственной принадлежности, ни по составу коллекций,

Статья поступила 24.08.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 23.11.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Мельникова Е.А. От “вернакулярных” музеев к “прошлому своими руками” // Этнографическое обозрение. 2024. № 1. С. 60–76. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010033> EDN: YJBSDW

Melnikova, E.A. 2024. От “vernakuliarnykh” muzeev k “proshlomu svoimi rukami” [From “Vernacular Museums” to the “Do-It-Yourself Past”]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 60–76. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010033> EDN: YJBSDW

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

ни по форме работы. При этом их широкое распространение, популярность и многообразные социальные эффекты действительно впечатляют. В каждом городе и даже во многих селах и деревнях можно встретить сегодня самобытные музеи и музейчики, созданные, как правило, усилиями отдельных активистов, цели которых очевидно отличаются от задач более конвенциональных музеев.

Стремление выделить такие музеи в отдельную группу и описать одним понятием кажется совершенно естественным. Более того, выделенные Кызласовой и Чесноковой типологические черты таких проектов – “соотнесенность с локальным или личным, их внеинституциональный характер и креативный компонент” (Там же: 98) – интуитивно узнаваемы и кажутся вполне соответствующими тому явлению, контуры которого не вполне очевидны, но как будто легко угадываются. И все-таки в случае использования такого подхода мы сталкиваемся с рядом проблем.

Новизна “вернакулярных” музеев

Шерил Климашевски и вслед за ней Ирина Кызласова и Елена Чеснокова определяют вернакулярные музеи как “специфическое явление современной культуры” и “новый тип института знания, который создает особенный опыт как для создателей музея, так и посетителей” (Там же: 94, 100). Однако музеи, отвечающие предложенному определению, т.е. плохо контролируемые государством, связанные с низовыми инициативами и проживанием локальности, нестабильные, хрупкие, самодеятельные, неформальные, создаваемые и поддерживаемые силами отдельных энтузиастов и, соответственно, зависимые, в первую очередь, от их собственных ценностей и взглядов, – такие музеи не только не являются современным изобретением, но и давно попали в сферу музееведческой рефлексии, в том числе и в ее бюрократическом воплощении. Попытки выделить далекие от идеала, самобытные маленькие музеи в отдельную категорию предпринимались уже на ранних этапах государственной музейной политики. В первом официальном списке советских музеев, изданном в 1923 г., была выделена группа местных учреждений, противопоставленных музеям государственного значения (178 и 220 соответственно) (Кузина 1991: 124), а в 1925 г. были утверждены три категории, определявшие статус, подчинение и финансирование музеев. К самой низкой – третьей – отнесли учреждения, в задачу которых входило собирание и демонстрация материалов “узкоместного значения” (Ионова 1957: 43). Эта категория оказалась самой многочисленной и самой разношерстной: отнесенные к ней музеи были плохо контролируемы, практически лишены финансирования и, соответственно, зависящими исключительно от энтузиазма отдельных граждан. В середине 1960-х годов в эту категорию добавились “музеи на общественных началах”, больше известные как “общественные” или “народные” – их статус был определен Типовыми положениями 1965 и 1978 гг. Эти музеи создавались принципиально без участия государственных средств и поэтому представляли собой низовые музеи *par excellence* – неформально организованные, плохо координированные, нестабильные и слабо упорядоченные. К 1977 г. в РСФСР их насчитывалось уже больше тысячи (без учета музейных комнат, уголков и школьных музеев). Ежегодно их посещали порядка 4 млн человек (Рыбак 2021: 33).

Все эти музеи – краеведческие, народные, общественные, школьные – были такими же странными для профессиональных музейщиков и руководителей от-

расли, как и современные небольшие музеи, о которых идет речь в статье Кызласовой и Чесноковой. Выделение таких институций в специальную категорию опиралось на противопоставление “классическим”, “правильным”, “настоящим” музеям, модели которых были утверждены в те же 1960-е годы; тогда же появилось понятие головных организаций, в задачи которых входила научно-методическая помощь маленьким беспомощным музеям. Государственный исторический музей становился образцом для подражания в области истории дореволюционного прошлого, Государственный музей революции СССР – в области истории советского общества и т.д. Чем дальше в музейной иерархии находился тот или иной музей, тем меньшие ресурсы были ему доступны, тем меньше он контролировался государством и тем более неформальную природу приобретал. В сложившейся иерархии маленькие локальные музеи всех сортов занимали наименее привилегированное положение и определялись как наиболее далекие от идеала прогрессивных современных музеев, работающих в столице.

Демонстративный отказ современных музейных инициатив от принятых в советской номенклатуре музейных терминов, который нередко можно встретить сегодня, означает в этом контексте стремление дистанцироваться от сложившейся в советское время иерархии, маргинализирующей любые формы музеев, отличающиеся от эталонных, и в то же время сохранить статусное и все еще престижное понятие “музей” в своем названии.

Все это, конечно, не означает, что современные музеи воспроизводят без изменений практики работы, сложившиеся в советское время. Музейный бум последних десятилетий, изменив место и роль музея в жизни людей, привел к существенной трансформации целей, задач, форм экспонирования и взаимодействия с аудиторией. Но изменения такого рода затронули далеко не только маленькие организации, но и хорошо известные музейные гиганты.

Музеи, таксономии и границы: категории практики

История советских маргинальных музеев подводит нас к более общей проблеме, связанной с самой практикой классифицирования музеев и таксономическими принципами, которые используются в этом случае.

Понятие “музей” и существующие типологии музеев относятся к тому, что Пьер Бурдьё называл “практическими классификациями”, которые “всегда подчинены практическим функциям и ориентированы на производство социальных эффектов” (Бурдьё 2002: 49). Потребность в определении “музея”, как и в создании таксономии музейных организаций, появляется или, по крайней мере, утверждается в период профессионализации и бюрократизации музеелогии, когда музеи активно инструментализируются национальными политиками, идеологиями и экономиками (Aronsson, Elgenius 2015; Knell et al. 2011). Одна из первых классификаций музеев была предложена Джорджем Брауном Гудом, ученым секретарем Смитсоновского института, получившим в управление несколько музеев, известных до 1967 г. под общим названием “Национальный музей Соединенных Штатов”. Свою классификацию Гуд впервые сформулировал в 1895 г. в докладе под названием “Принципы музейного администрирования” (Goode 1895) и, разделяя музеи по характеру их коллекций и целям создания, обосновал наиболее подходящие, с его точки зрения, формы управления.

Приведение музейного “беспорядка” к определенной системе, требующей установления как внешних, так и внутренних границ сродни созданию административно-территориальной карты государства. Установление границ в данном случае работает так же, как и в других случаях, предполагая наличие агента, утверждающего их, критерии для включения или исключения, “пограничников”, строго охраняющих пункты перехода, и “пограничную работу”, направленную на легитимацию этих границ. Экономика и политика управления музейным миром с его границами и пограничными переходами — тема отдельного исследования. Здесь я лишь хочу подчеркнуть само значение этих элементов музейной жизни.

Битва за определение понятия “музей”, развернувшаяся в 2019–2022 гг. на площадке Международного совета музеев (ИКОМ), подтверждает чувствительность музейного сообщества к любым попыткам реформировать установленные еще в послевоенные годы границы этого понятия. Предложенное в 2019 г. новое определение музея вызвало острую критику среди руководителей многих классических музеев и привело к череде скандалов, включая выход из состава комиссии нескольких членов Международного совета. По просьбе представителей 24 стран — членов ИКОМ оно было снято с голосования, а впоследствии Совет предложил многоступенчатую программу обсуждений и консультаций для разработки нового определения. В итоге спустя три года, в 2022 г. в рамках 26-й Генеральной конференции ИКОМ, состоявшейся в Праге, Чрезвычайная Генеральная ассамблея ИКОМ одобрила новое определение, которое в целом можно считать победой консервативной музейной партии. Это определение опирается на предшествующие версии и ставит акцент на коллекционировании, изучении, хранении и экспонировании, утверждая именно эти сферы деятельности в качестве определяющих, а также жестко ограждая музеи от любых форм коммерциализации своей работы.

Масштаб ресурсов, вложенных в обсуждение и разработку понятия “музей”, обусловлен его практическим значением: именно принятое ИКОМ определение впоследствии ложится в основу национальных законодательных актов, принимаемых всеми странами-участниками Совета, и становится частью юридической практики управления музеями. Для частных музеев вопрос соответствия официальному определению является скорее риторическим, а вот деятельность государственных музеев напрямую зависит от того, что вменяется или наоборот запрещается этим определением. Запрет на коммерческую деятельность, к примеру, имеет множество последствий для работы организаций, вынужденных искать обходные пути решения своих финансовых проблем. Фокус на коллекционировании и хранении предметов — еще один принцип, утверждаемый определением — превращает музеи, по крайней мере в России, в конвейеры по заполнению Государственного каталога музейного фонда — главного хранилища национального достояния страны. То же определение, становясь основой юридической практики управления, определяет и доступ музеев к экономическим ресурсам: возможность получения финансирования на типы работ, признанные “музейными”, или ее отсутствие в случае любой деятельности, выходящей за очерченные рамки.

Эти примеры, хорошо знакомые тем, кто так или иначе связан с работой современных музеев, я привела для того, чтобы подчеркнуть силу определений. Являясь исключительно дискурсивными конструкциями, они тем не менее напрямую влияют на формы существования организаций, создают как внутрен-

нее напряжение, так и конкуренцию за статус “музея”, который влечет за собой множество ограничений, но одновременно открывает и ряд возможностей для развития.

Категоризация музеев по разным типам и видам также тесно связана с бюрократическими, экономическими и юридическими условиями их существования. К примеру, отнесение организации к категории “ведомственных” означает, что она подчиняется не Министерству культуры РФ, как большинство музеев России, а министерству, в ведомстве которого находится. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) подчиняется Министерству науки и высшего образования, что ставит его перед необходимостью отчитываться в соответствии с общими нормативами именно этого ведомства наряду с НИИ и вузами. Такое положение означает, в частности, отсутствие финансирования на стандартные виды музейной работы. При этом, оставаясь все-таки музеем федерального уровня, каталогизация фондов также является его базовой обязанностью, что приводит к множеству проблем в функционировании организации. Примеры противоречий такого рода можно легко умножить.

Музейные определения и классификации никогда не были нейтральными способами описания музейного разнообразия. Упорядочивая музейный мир, они делали его в конечном счете более управляемым. Сложившаяся номенклатура музеев относится к области практики и прямо связана с попытками установления контроля над музейной деятельностью.

“Вернакулярный музей”: категория анализа

Музеи давно стали предметом разнообразных исследований, цель которых отличается от бюрократической и в самом общем виде может быть сформулирована как желание понять место, значение и роль организации в качестве социального института. Исследователи, преследующие эту или аналогичную цель, вовсе не обязаны пользоваться музейной номенклатурой, сложившейся в контексте формализации музейного мира и установления контроля над его разнообразием. И все-таки, так же, как и в случае с другими понятиями, относящимися одновременно к областям практики и анализа, эта номенклатура прочно вошла в наш научный язык. Эта ситуация во многом напоминает казус определений, о котором писал Александр Панченко в связи с понятием “религия” и проблемой несоответствия его значений в религиозном и антропологическом регистрах. В попытках разуподобить свой собственный предмет интереса “воображаемому социальному институту”, доктрине или тексту, антропологи изобрели целый ряд «дублирующих друг друга понятий — от “народной” и “локальной” до “проживаемой” и “вернакулярной” религии» (Панченко 2022: 234). Исследователи музеев также пытаются дистанцироваться от музееведческих таксономий, предлагая другие варианты определений, ставящие в центр угла не формальные признаки профиля или ведомственной принадлежности организаций, а формы их повседневного существования как живых, гибких, сложно устроенных социальных организмов. Понятие “вернакулярный музей” относится к числу именно таких попыток разуподобить два определения музея — практическое и аналитическое.

Появление в этом контексте понятия “вернакулярный” выглядит вполне ожидаемым. Этот термин давно используется в социальных науках по отношению к самым разным явлениям и всегда применяется для того, чтобы подчер-

кнуть их низовой, независимый характер, укорененность в социальном контексте, связь с личными переживаниями людей, их эмоциями и аффектами. Добавляя слово “вернакулярный” к тем или иным понятиям, уже используемым в академическом или даже разговорном языке, исследователи, как правило, пытаются противопоставить их соответствующим идеальным, умозрительным концепциям и моделям. Так, противопоставляются религия и вернакулярная религия (Primiano 1995; Радченко 2018), архитектура и вернакулярная архитектура (Oliver 2006; Иванов 2023), публичная память и вернакулярная память (Bodnar 1991). Речь здесь идет о смещении фокуса внимания со стабильных, институциональных структур на гибкие низовые формы различных социальных явлений. Во всех этих случаях появление терминологических неологизмов было реакцией на доминирование институциональной перспективы в исследованиях религии, архитектуры и памяти соответственно. Понятие “вернакулярный музей” тоже во многом является ответом на существующие оптики анализа музеев.

В то же время использование термина “вернакулярный” страдает рядом недостатков, уже подмеченных в других исследовательских областях. Один из них связан с противопоставлением “вернакулярного” чему-то другому, обычно “официальному”, “спущенному сверху”, строго регламентированному. Оппозиции такого рода неизбежно приводят к упрощению социальной реальности, которая не сводится к двум полюсам. Другое свойство этой дуальной модели — склонность авторов к идеализации и романтизации ее “низовой” составляющей. Критикуя модель Джона Боднара, Алан Конфино упрекал его в том, что он

идеализирует вернакулярную память, описывая ее в терминах совместного опыта, защиты ценностей, малых сообществ, т.е. в терминах, которые связаны в нашей культуре с аутентичностью и интимностью, в то время как официальную память он описывает как большую, безличную, жаждущую власти, т.е. в терминах, которые ассоциируются с отчуждением, недоверием и скрытыми мотивами (Confino 1997: 1401).

Постколониальная критика также ставит под сомнение применимость понятия “вернакулярный”, значение которого близко, если не тождественно, терминам “аборигенный”, “коренной”, “примитивный”, выполняющим роль дискурсивных инструментов конструирования “Другого” (*Othering*). Марсель Веллинга пишет:

Я считаю, что вернакулярная архитектура — это не более и не менее как архитектура Другого. Это концепция, которая помогает определить и узаконить эксклюзивную область того, что можно назвать “высоким дизайном” или “архитектурой с большой буквы А”, представляя те архитектурные традиции, которые не считаются ее частью, таким образом, чтобы подчеркнуть их Инаковость (Vellinga 2011: 172).

В отличие от понятий “вернакулярная память” или “вернакулярная архитектура”, концепция “вернакулярной религии”, предложенная Леонардом Примьяно, была призвана не укрепить оппозицию народной vs официальной религии, а наоборот, разрушить ее, определив такую форму религии в качестве единственно реальной (*as it is lived*), поддающейся наблюдению и анализу (Primiano 1995: 44).

Никакой “официальной религии”, по мнению Приммиано, попросту не существует, потому что «никто – ни религиозная элита, ни член институциональной иерархии, ни папа Римский, ни Тибетский Далай Лама, ни Константинопольский Патриарх, ни главный раввин в Иерусалиме – не живет “официальной” религиозной жизнью в какой-то чистой, идеальной форме» (Ibid.: 46). Предлагая понятие “вернакулярная религия”, Приммиано не давал название одному из типов религии, а утверждал необходимость нового взгляда на саму религию, взгляда, который бы позволил рассматривать ее на основе реальных практик, какими бы они ни были. Отчасти споря с Приммиано и отчасти развивая его подход, Панченко утверждает, что “официальная религия”, хотя и “представляет собой, так сказать, условную реальность”, все же “обладает социальным значением”: “религиозная институция представляет собой часть разделяемых социумом религиозных практик, но часть особенную и по своим функциям, и по своей внутренней организации” (Панченко 2002: 70). Иными словами, предметом анализа, опирающегося на единые методологические принципы, могут быть институализированные религиозные практики наряду с неинституализированными.

Этот небольшой, дополняющий историографический обзор Кызласовой и Чесноковой экскурс в проблематику использования понятия “вернакулярный” позволяет выделить два принципиально разных подхода к различению, достигаемому с его помощью. В первом – термин проводит границу между “вернакулярными” и “невернакулярными” феноменами, во втором – определяет оптику анализа социального явления в целом, предполагая, что это явление всегда существует в “вернакулярной” форме и именно она является предметом социального анализа. Место концепции “вернакулярного музея” на этой карте остается не вполне ясным, но, кажется, она все-таки тяготеет к первому подходу. “Вернакулярные музеи” выделяются как самостоятельный тип; им свойственны черты, нехарактерные для других музеев. Проще говоря, есть вернакулярный музей, а есть какой-то еще. Такая интерпретация обнажает проблемные зоны вернакулярного подхода, опирающегося на дуальные модели. Как и в случае с аналогичными формами концептуализации вернакулярных музеев, мы сталкиваемся здесь с проблемами упрощения, идеализации и конструирования Другого по принципу отступления от официально признанных образцов. Не получается ли, что главным критерием вернакулярности в этом случае служит именно степень несоответствия моделям, утвержденным и признанным музейным сообществом и государством?

В то же время второй подход открывает целый ряд новых ракурсов и возможностей для анализа музеев. Исследования последних лет показали, что любые музеи, даже такие традиционные, как Лувр, Эрмитаж или ГИМ, являются сложными социальными институтами, где работают живые люди со своими собственными противоречивыми и изменчивыми ценностями и взглядами, взаимодействуя друг с другом, с посетителями, другими организациями, контролирующими и финансирующими органами и т.д. Свойства вернакулярных музеев, о которых пишут Кызласова и Чеснокова, включая “заземленность”, предполагающую неформальность, независимость, нерегулируемость, а также “процессуальность и способность сочетать и адаптировать локальное с глобальным или личное с институциональным благодаря своему творческому компоненту, который отражает восприятие мира, актуальные ценности и жизненные координаты индивида или сообщества” (Слепцова [Кызласова], Чеснокова 2023: 98), – все это в полной мере может быть обнаружено в жизни

абсолютно любого музея, но требует иных ракурса и оптики анализа. Вернакулярность, как я думаю, является не свойством каких-то конкретных музеев, а характеристикой исследовательского подхода, обращенного к изучению и пониманию музея как живого организма.

От “вернакулярных музеев” к “прошлому своими руками”

Но давайте вернемся к вопросу о странных музеях и самом феномене музейного бума последних десятилетий, в результате которого многие города обзавелись новыми музейными кварталами, а популярной практикой для самых обычных людей стало создание музеефицированных пространств в собственных квартирах, домах, гаражах и подвалах.

Это явление, далеко выходящее за пределы России, активно обсуждается в последнее время, а для определения самих музеев появилось множество различных терминов, включая не только “вернакулярные”, но также “независимые”, “маленькие”, “самодельные” или “микромuzeи”. Главная особенность таких проектов, однако, связана не с размером, а с их социальной ролью и отношениями с местными сообществами (*communities*). Именно в этом контексте обычно и рассматриваются подобные инициативы (*Rassool 2006; Camarena, Morales 2006; Crooke 2007; Watson 2007; Candlin 2012, 2016; Brown et al. 2024*).

Действительно, разнообразные низовые, независимые, микромuzeйные формы зачастую обнаруживают гораздо больше сходств не с более конвенциональными музеями, а с другими формами социальной деятельности, связанной с материализацией прошлого и утверждением групповых и/или локальных идентичностей. И хотя даже самые маленькие, неформальные музейные инициативы продолжают вдохновляться классической триадой музейных целей — “собрать, сохранять, показывать”, их социальное значение определяется не успешностью и профессионализмом достижения этих целей, а способностью обеспечить связь между человеком и прошлым благодаря непосредственному участию в сохранении или воссоздании его материальных следов. Формы, способы, принципы такого участия представлены сегодня в огромном количестве вариантов. Здесь и градозащитные, и волонтерские реставрационные инициативы, такие как “Том-Сойер фест”, “Заповедник” или “Консервация”, и работа местных поисковиков, и локальные инициативы по установке памятников. Несмотря на множество различий (в направлениях деятельности, составе участников и принципах работы), все эти проекты так или иначе поддерживают чувство локальной или групповой солидарности благодаря утверждению и постоянному подтверждению приверженности общим ценностям через перформативные практики коллективной заботы о прошлом (*Блокланд 2023*).

Небольшие локальные музеи, создаваемые силами отдельных энтузиастов, оказываются одним из вариантов такой деятельности. Показательно, что, с одной стороны, собственно музейная работа зачастую включается (или даже растворяется) в многообразие социальных акций, предпринимаемых организаторами. А с другой стороны, создание музея становится практически обязательным итогом любой деятельности, связанной с сохранением наследия. Некоторые примеры таких инициатив рассмотрены в книге Светланы Еремеевой “Память: поле битвы или поле жатвы?” (*Еремеева 2021*). Истории благотворительного фонда «Центр возрождения культурного наследия “Крохино”», терема в Аста-

шова, “Дома со львом” в Саратовской области или “Дома с характером” в Рязанской — все это многомерные и многоплановые проекты, ориентированные на работу по материализации связи с прошлым, производство мемориальных и локальных сообществ. Все они включают или предполагают в будущем те или иные формы музейной работы: “Дом со львом” в д. Поповка был превращен новыми собственниками в музей; лидеры спасения Крохино собирают материалы и средства для создания музея “Незатопленных историй Белого озера”. В этом контексте музей — не автономный институт и актор памяти, а, скорее, одна из форм привлечения и мобилизации сообщества единомышленников.

Для интерпретации таких мемориальных инициатив, также широко представленных за пределами России, были предложены несколько обобщающих понятий. Одно из них — “наследие снизу”, использованное Иэном Робертсоном (*Robertson* 2008, 2012) и подхваченное спустя несколько лет редакторами и авторами сборника “После наследия: критические подходы к наследию снизу” (“*After Heritage: Critical Perspectives on Heritage from Below*”) (*Muzaini, Minca* 2018). “Наследие снизу” понимается этими исследователями как

процесс, который практикуется и проживается на местах самими людьми. Сюда включаются различные ландшафты наследия, создаваемые не элитой, и способы, с помощью которых эти же субъекты могут вовлекаться в ландшафты наследия более аффективными способами, тем самым осуществляя свою деятельность в качестве производителей и потребителей “прошлого” (*Ibid.*: 1).

Термин “наследие снизу” одновременно служит альтернативой понятию “авторизованный дискурс наследия” (*Authorized Heritage Discourse*), введенному Лораджейн Смит в книге “Использование наследия” (“*Uses of Heritage*”) (*Smith* 2006), и позволяет сфокусироваться на разнообразных, плохо поддающихся классификации формах коммеморации “материального” прошлого.

В 2023 г. был предложен еще более радикальный взгляд на феноменологию низовых коммемораций, частью которых служат и музейные проекты. Вышедший под редакцией Ифат Гутман и Дженни Вюстенберг шестисотстраничный сборник посвящен “мемориальному активизму” (*Memory Activism*) и представляет итоги впечатляющего проекта по картографированию различных низовых инициатив в области памяти. Более того, руководители этого проекта и редакторы сборника заявили о новом — “активистском” — повороте в исследованиях памяти, связанном одновременно и с экспоненциальным ростом самого активизма в этой сфере, и с увеличившимся объемом исследований, обращенных к таким проблемам. Гутман и Вюстенберг пишут:

Активисты памяти занимаются кропотливыми историческими исследованиями, собирают следы ушедших эпох и продолжающейся несправедливости, разрабатывают ритуалы скорби, подрывающие официальные нарративы, создают альтернативные места памяти, работают над поддержкой существующих мемориальных институтов и делают много что еще. Они опираются на давно устоявшиеся формы памяти, а также разрабатывают творческие способы взаимодействия с прошлым и придания ему смысла в настоящем (*Gutman, Wüstenberg* 2023: 5).

В российской историографии близкий подход использует Петр Неплюев, предложивший понятие “историко-культурный активизм” для интерпретации позднесоветских инициатив по охране наследия (Неплюев 2020, 2022).

Два подхода — “наследие снизу” и “мемориальный активизм” — отсылают к двум областям историографии — критическим исследованиям наследия и исследованиям памяти, отчасти пересекающимся, отчасти развивающимся параллельно. В обоих случаях в центре находятся различные практики производства и утверждения прошлого, не зависящие ни от государственной, ни вообще от какой-либо институциональной политики. При этом в первом случае акцент ставится на самом вовлечении людей в различные формы коллективной деятельности, связанные с защитой материальных останков прошлого, а во втором — на коммеморативных инициативах, имеющих отчетливую форму публичного диссенса — несогласия и попытки оспорить существующие интерпретации прошлого.

В обоих случаях музеям отводится скорее второстепенная роль, во многом потому, что “видимые” авторам музеев — это прежде всего классические публичные организации, существующие за счет национального финансирования и все еще выступающие в качестве официальных институтов знания и памяти, а не активных участников низовых социальных проектов, ориентированных на пересмотр прошлого. Небольшие вернакулярные, самодельные музеи, или микромузеи, как их называет Фиона Кандлин, остаются незаметны, просто потому что малоизвестны, труднодоступны и крайне плохо исследованы (Candlin 2016: 3–21). Но, как мне кажется, именно в этом направлении стоит искать ответы на вопрос, что же собой представляет современный “музейный феномен”, связанный не только со стремительным увеличением числа музеев (Macdonald 2011: 4–5; Fyfe 2011: 39–41), но и с изменениями самого социального и мемориального ландшафта, частью которого они являются.

Музей сегодня уже не только институт знания, но и форма совместной работы по созданию прошлого своими руками, того, что Ханна Арендт называла деятельной жизнью — *vita activa*, противопоставленной жизни созерцательной — *vita contemplativa*. Включение музейных инициатив в более широкий контекст мемориальных проектов и публичных форм коллективного действия, варьирующих в широком спектре — от антагонистических (Чернышева, Хохлова 2021; Гладарев 2011, 2013) до более консенсусных форм поиска солидарности (Бахарева, Садова 2021), позволит выйти из замкнутого круга музейных типологий, существующих одновременно и в области бюрократической практики, и в сфере социального анализа, сохранив за большими музеями право на собственную “вернакулярность”, а за низовыми формами коммеморации — право быть не только, а может быть и не столько, музеями.

Примечания

¹ В 1990-е годы, благодаря исследованиям Эйлин Хупер-Гринхилл, Тони Беннета, Эндрю Маклеллана и Кэрол Данкан, была проблематизирована история формирования крупнейших мировых музеев как сложных социальных институтов (Hooper-Greenhill 1992; Bennett 1995; McClellan 1994; Duncan 1995). Хупер-Гринхилл показала, например, как превращение Лувра в публичный музей приводит к появлению не только “публики”, но и новых субъектных позиций внутри самого музея — кураторов, зрителей, хранителей, экспертов (Hooper-Greenhill 1992: 176–179). Работы этих и других авторов заложили основу критической музеологии, одним из направлений которой стала деконструкция объективирующего институционального музейного мифа и анализ самого музея как сложной лаборатории производства знания, памяти, места

столкновения разных взглядов, арены внутренних противоречий и конфликтов (*Duncan, Wallach* 1980; *Zolberg* 1981; *Sherman* 1987; *Vergo* 1989; *Fyfe* 1996; *Preziosi* 2006; *Шола* 2013). В последние два десятилетия появились специальные исследования, посвященные этнографии музея как социального института и организма (*Macdonald* 2002; *Lépinay* 2019), включая и ряд русскоязычных работ (*Кузнецов* 2008; *Ипполитова* 2010; *Мариничева* 2015; *Гринько, Шевцова* 2020).

² Обобщая существующие классификации, Фиона Кандлин предложила свой весьма объемный вариант, где микромузеями называются "...коллекции, находящиеся в ведении различных фондов, предприятий, групп по интересам, частных лиц и открытые для публики; сконцентрированные на типах предметов, тем или личностей, выходящих за рамки традиционного академического интереса, занимающие низкую ступень в иерархии традиционных академических классификаций или использующие ненаучный подход к предметам, которые могли бы быть интересны академическому сообществу; и, наконец, маленькие, поскольку они имеют относительно небольшое число посетителей и/или скромные доходы и/или занимают физически ограниченное пространство" (*Candlin* 2016: 12).

³ Как пишет Кандлин, такие музеи нередко игнорируются в современных музейных дебатах именно потому, что их значение воспринимается исследователями и представителями профессионального музейного мира исключительно в связи с их социальной ролью и способностью создавать и поддерживать локальные сообщества. "Предполагается, что такие организации не являются ни технически, ни концептуально новаторскими, не дают материала для дальнейшего музееведческого изучения. Примечательно, что музеи, посвященные определенным типам предметов, коллекции макарон, пианино, виски, которым аплодировал Хадсон, не рассматриваются в каком-либо академическом контексте" (*Candlin* 2012: 37).

Научная литература

Бахарева М.А., Садова Е.С. "Том Сойер Фест" в Вологде: опыт участия горожан в сохранении исторического облика города // *Городские исследования и практики*. 2021. Т. 6. № 3. С. 7–21.

Блокланд Т. Сообщество как городская практика / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: НЛО, 2023.

Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи "региона" // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 45–60.

Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // *От общественного к публичному* / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 70–304.

Гладарев Б. "Это наш город!": анализ петербургского движения за сохранение историко-культурного наследия // *Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому* / Ред. К. Клеман. М.: НЛО, 2013. С. 44–51.

Гринько И.А., Шевцова А.А. "Для музеев есть табу": запретительные практики в культуре российских музеев // *Вестник антропологии*. 2020. № 4 (52). С. 125–136.

Еремеева С.А. Память: поле битвы или поле жатвы? М.: Дело, 2021.

Иванов А. Архитектура без архитектора. Вернакулярные районы городов мира. М.: Слово, 2023.

Ионова О.В. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет советской власти // *История музейного дела в СССР*. М: Госкультпросветиздат, 1957. С. 37–72.

Ипполитова А.Б. Исследование музейного фольклора: к постановке проблемы // *Славянская традиционная культура и современный мир*. Вып. 13, Традиционная культура современного города / Сост. М.Д. Алексеевский, В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. М.: Типография Россельхозакадемии, 2010.

С. 272–286.

Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть: В 2-х ч. / Отв. ред. С.А. Каспаринская. М.: НИИК, 1991. Ч. 1. С. 123–137.

Кузнецов А.А. Антропология современного провинциального музейного сообщества (на примере историко-краеведческих музеев г. Ульяновска) // Антропология академической жизни / Под ред. Г. Комаровой. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 258–264.

Мариничева М.Е. Антропология вузовского музея: люди и персонажи // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 318–320.

Неплюев П.А. “Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране”: историографический обзор историко-культурного активизма в позднесоветский период // Культурный код. 2020. № 3. С. 38–49.

Неплюев П.А. Публичная история “по-советски”. Региональные отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: “бюрократические правила игры” и историко-культурный активизм // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3 (58). С. 79–93.

Панченко А. Религия (для) религиоведов? // Антропологический форум. 2022. № 53. С. 233–239.

Радченко Д.А. “Не забывайте Бога”: вернакулярная религиозность советских “святых писем” // Вестник РГГУ. Серия, История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 9 (42). С. 90–101.

Рыбак К.Е. Роль и место общественных музеев в музейной сети. М.: Институт Наследия, 2021.

Слепцова (Кызласова) И.С., Чеснокова Е.Г. Вернакулярный музей: к определению понятия // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 92–110.

Чернышева Л., Хохлова А. Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 19 (2). С. 223–238.

Шола Т.С. Вечность здесь больше не живет: толковый словарь музейных грехов. Тула: Музей усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”, 2013.

Aronsson P., Elgenius G. (eds.) National Museums and Nation-Building in Europe, 1750–2010: Mobilization and Legitimacy, Continuity and Change. Milton Park: Routledge, 2015.

Bennett T. The Birth of the Museum: History, Theory, Politics. L.: Routledge, 1995.

Bodnar J.E. Remaking America: Public Memory, Commemoration, and Patriotism in the Twentieth Century. Princeton: Princeton University Press, 1991.

Brown K., Cummins A., Rueda G. (eds.) Communities and Museums in the 21st Century: Shared Histories and Climate Action. Abingdon: Routledge, 2024.

Camarena C., Morales T. Community Museums and Global Connections: The Union of Community Museums of Oaxaca // Museum Frictions: Public Cultures/Global Transformations / Eds. I. Karp et al. Durham: Duke University Press, 2006. P. 322–344.

Candlin F. Independent Museums, Heritage, and the Shape of Museum Studies // Museum and Society. 2012. Vol. 10 (1). P. 28–41.

Candlin F. Micromuseology: An Analysis of Small Independent Museums. L.: Bloomsbury Academic, 2016.

- Confino A.* Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // *The American Historical Review*. 1997. Vol. 102 (5). P. 1386–1403.
- Crooke E.M.* Museums and Community: Ideas, Issues and Challenges. L.: Routledge, 2007.
- Duncan C.* Civilizing Rituals: Inside Public Art Museums. L.: Routledge, 1995.
- Duncan C., Wallach A.* The Universal Survey Museum // *Art History*. 1980. No. 3 (4). P. 448–469.
- Fyfe G.* A Trojan Horse at the Tate: Theorizing the Museum as Agency and Structure // *Theorizing Museums: Representing Identity and Diversity in a Changing World* / Eds. S. Macdonald, G. Fyfe. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1996. P. 203–228.
- Fyfe G.* Sociology and the Social Aspects of Museums // *A Companion to Museum Studies* / Ed. S. Macdonald. Cambridge, Mass.: Blackwell Publishing Ltd, 2011. P. 33–49.
- Goode G.B.* The Principles of Museum Administration. York: Coultas & Volans, 1895.
- Gutman Y., Wüstenberg J.* (eds.) *The Routledge Handbook of Memory Activism*. L.; N.Y.: Routledge; Taylor & Francis Group, 2023.
- Hooper-Greenhill E.* Museums and the Shaping of Knowledge. L.: Routledge, 1992.
- Knell S.J. et al.* National Museums: New Studies from around the World. L.: Routledge, 2011.
- Lépinay V.A.* Art of Memories: Curating at the Hermitage. N.Y.: Columbia University Press, 2019.
- Macdonald S.* Behind the Scenes at the Science Museum. Oxford: Berg, 2002.
- Macdonald S.* Expanding Museum Studies: An Introduction // *A Companion to Museum Studies* / Ed. S. Macdonald. Cambridge, Mass.: Blackwell Publishing Ltd, 2011. P. 1–12.
- McClellan A.* Inventing the Louvre: Art, Politics, and the Origins of the Modern Museum in Eighteenth-Century Paris. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Muzaini H., Minca C.* After Heritage: Critical Perspectives on Heritage from Below. Northampton: Edward Elgar Pub. Inc., 2018.
- Oliver P.* Built to Meet Needs: Cultural Issues in Vernacular Architecture. Oxford: Elsevier, 2006.
- Preziosi D.* Philosophy and the Ends of the Museum // *Museum Philosophy for the Twenty-First Century* / Ed. H.H. Genoways. Lanham: Altamira Press, 2006. P. 74–75.
- Primiano L.N.* Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife // *Western Folklore*. 1995. Vol. 54 (1). P. 37–56.
- Rassool C.* Community Museums, Memory Politics, and Social Transformation in South Africa: Histories, Possibilities, and Limits // *Museum Frictions: Public Cultures/Global Transformations* / Eds. I. Karp et al. Durham: Duke University Press, 2006. P. 286–321.
- Robertson I.J.M.* Heritage from Below. Farnham: Ashgate Pub. Company, 2012.
- Robertson I.J.M.* Heritage from Below: Class, Social Protest and Resistance // *The Ashgate Research Companion to Heritage and Identity* / Eds. P. Graham, P. Howard. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 143–158.
- Sherman D.* The Bourgeoisie, Cultural Appropriation, and the Art Museum in Nineteenth Century France // *Radical History Review*. 1987. Vol. 38. P. 38–58.
- Smith L.* Uses of Heritage. L.; N.Y.: Routledge; Taylor & Francis Group, 2006.
- Vellinga M.* The End of the Vernacular: Anthropology and the Architecture of the Other // *Etnofoor*. 2011. Vol. 23 (1). P. 171–192.
- Vergo P.* (ed.) *The New Museology*. L.: Reaktion Books, 1989.
- Watson S.* (ed.) *Museums and Their Communities*. L.: Routledge, 2007.
- Zolberg V.* Conflicting Visions in American Art Museum // *Theory & Society*. 1981. No. 10. P. 81–102.

Research Article

Melnikova, E.A. From “Vernacular Museums” to the “Do-It-Yourself Past” [Ot “vernakuliarnykh” muzeev k “proshlomu svoimi rukami”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 1, pp. 60–76. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010033> EDN: YJBSDW ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Ekaterina Melnikova | <https://orcid.org/0000-0001-6764-9240> | Melek@eu.spb.ru | European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya Str., St. Petersburg, 191187, Russia)

Keywords

museums, heritage, commemorations, collective memory, vernacular memory, memory activism

Abstract

This article examines the idea of “vernacular museums” as it was put forth by Irina Kyzlasova and Elena Chesnokova in an earlier issue of the journal. In response to the authors’ idea, I aim to further develop the line of argumentation, proposing to broaden the scope of analysis for this phenomenon. The article explores the issues surrounding the application of the term “vernacular museum.” These obstacles include the presence of previous iterations of such museums, the inherent contradictions within the categorization of museums’ diversity, and the challenges associated with conceptualizing vernaculars as a significant Other of the officially recognized museum models. The article presents a novel approach to examining modern museum activities, suggesting that they could be placed alongside broader grassroots commemoration activities and memorial activism.

References

- Aronsson, P., and G. Elgenius, eds. 2015. *National Museums and Nation-Building in Europe, 1750–2010: Mobilization and Legitimacy, Continuity and Change*. Milton Park: Routledge.
- Bakhareva, M.A., and E.S. Sadova. 2021. “Tom Soier Fest” v Vologde: opyt uchastia gorozhan v sokhranении istoricheskogo oblika goroda [“Tom Sawyer Fest” in Vologda: The Experience of Citizens’ Participation in the Preservation of the Historical Image of the City]. *Gorodskie issledovaniia i praktiki* 6 (3): 7–21.
- Bennett, T. 1995. *The Birth of the Museum: History, Theory, Politics*. London: Routledge.
- Blokland, T. 2023. *Soobshchestvo kak gorodskaiapraktika* [Community as Urban Practice], translated by N. Protsenko. Moscow: NLO.
- Bodnar, J.E. 1991. *Remaking America: Public Memory, Commemoration, and Patriotism in the Twentieth Century*. Princeton: Princeton University Press.
- Bourdieu, P. 2002. Identichnost’ i reprezentatsiia: elementy kriticheskoi refleksii idei “regiona” [Identity and Representation: Elements of Critical Reflection on the Idea of “Region”]. *Ab Imperio* 3: 45–60.
- Brown, K., A. Cummins, and G. Rueda, eds. 2024. *Communities and Museums in the 21st Century: Shared Histories and Climate Action*. Abingdon: Routledge.
- Camarena, C., and T. Morales. 2006. Community Museums and Global Connections: The Union of Community Museums of Oaxaca. In *Museum Frictions: Public Cultures/Global Transformations*, edited by I. Karp, et al., 322–344. Durham: Duke University Press.
- Candlin, F. 2012. Independent Museums, Heritage, and the Shape of Museum Studies. *Museum and Society* 10 (1): 28–41.

- Candlin, F. 2016. *Micromuseology: An Analysis of Small Independent Museums*. London: Bloomsbury Academic.
- Chernysheva, L., and A. Khokhlova. 2021. Sozdavaia tsennost' i autentichnost': gorodskie konflikty vokrug istoricheskikh zdaniy [Creating Value and Authenticity: Urban Conflicts around Historical Buildings]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* 19 (2): 223–238.
- Confino, A. 1997. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method. *The American Historical Review* 102 (5): 1386–1403.
- Crooke, E.M. 2007. *Museums and Community: Ideas, Issues and Challenges*. London: Routledge.
- Duncan, C. 1995. *Civilizing Rituals: Inside Public Art Museums*. London: Routledge.
- Duncan, C., and A. Wallach. 1980. The Universal Survey Museum. *Art History* 3 (4): 448–469.
- Eremeeva, S. 2021. *Pamiat': pole bitvy ili pole zhatvy?* [Memory: Battlefield or Field of Harvest?]. Moscow: Delo.
- Fyfe, G. 1996. A Trojan Horse at the Tate: Theorizing the Museum as Agency and Structure. In *Theorizing Museums: Representing Identity and Diversity in a Changing World*, edited by S. Macdonald and G. Fyfe, 203–228. Cambridge, Mass.: Blackwell.
- Fyfe, G. 2011. Sociology and the Social Aspects of Museums. In *A Companion to Museum Studies*, edited by S. Macdonald, 33–49. Cambridge, Mass.: Blackwell Publishing Ltd.
- Gladarev, B. 2011. Istoriko-kul'turnoe nasledie Peterburga: rozhdenie obshchestvennosti iz dukha goroda [Historical and Cultural Heritage of St. Petersburg: The Birth of Public from the Spirit of the City]. In *Ot obshchestvennogo k publichnomu* [From the Social to the Public], edited by O. Kharkhordina, 70–304. St. Petersburg: Izdatel'stvo EUSPb.
- Gladarev, B. 2013. “Eto nash gorod!”: Analiz peterburgskogo dvizheniia za sokhranenie istoriko-kul'turnogo naslediiia [“This is Our City!”: Analysis of the St. Petersburg Movement for the Preservation of Historical and Cultural Heritage]. In *Gorodskie dvizheniia Rossii v 2009–2012 godakh: na puti k politicheskomu* [Urban Movements in Russia in 2009–2012: On the Way to the Political], edited by K. Kleman, 44–51. Moscow: NLO.
- Goode, G.B. 1895. *The Principles of Museum Administration*. York: Coultas & Volans.
- Grinko, I.A., and A.A. Shevtsova. 2020. “Dlia muzeev est' tabu”: zapretitel'nye praktiki v kul'ture rossiiskikh muzeev [“There are Taboos for Museums”: Prohibitive Practices in the Culture of Russian Museums]. *Vestnik antropologii* 4 (52): 125–136.
- Gutman, Y., and J. Wüstenberg, eds. 2023. *The Routledge Handbook of Memory Activism*. London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group.
- Hooper-Greenhill, E. 1992. *Museums and the Shaping of Knowledge*. London: Routledge.
- Ionova, O.V. 1957. Sozdanie seti kraevedcheskikh muzeev RSFSR v pervye desiat' let sovetskoi vlasti [Creation of the Network of Local Museums of the RSFSR in the First Ten Years of Soviet Power]. In *Istoriia muzeinogo dela v SSSR* [History of Museum Work in USSR], 37–72. Moscow: Goskul'tprosvetizdat.
- Ippolitova, A.B. 2010. Issledovanie muzeinogo fol'klora: k postanovke problem [Research of Museum Folklore: Toward a Definition of the Issue]. In *Slavianskaia traditsionnaia kul'tura i sovremnyi mir* [Slavic Traditional Culture and the Modern World]. Vyp. 13, *Traditsionnaia kul'tura sovremenno goroda* [Traditional Culture of the Modern City], edited by M.D. Alekseevskii, V.E. Dobrovolskaia, and A.B. Ippolitova, 272–286. Moscow: Rosselkhozakademia.

- Ivanov, A. 2023. *Arkhitektura bez arkhitekтора. Vernakuliarnye raiony gorodov mira* [Architecture without an Architect: Vernacular Neighbourhoods of the World's Cities]. Moscow: Slovo.
- Knell, S.J., et al. 2011. *National Museums: New Studies from around the World*. London: Routledge.
- Kuzina, G.A. 1991. Gosudarstvennaia politika v oblasti muzeinogo dela v 1917–1941 gg. [State Policy in the Field of Museums in 1917–1941]. In *Muzei i vlast'* [Museum and Power], edited by S.A. Kasparinskaia, 1: 123–137. Moscow: NIIK.
- Kuznetsov, A.A. 2008. Antropologiiia sovremennogo provintsial'nogo muzeinogo soobshchestva (na primere istoriko-kraevedcheskikh muzeev g. Ul'ianovska) [Anthropology of Modern Provincial Museum Community (On the Example of Historical and Local History Museums of Ulyanovsk)]. In *Antropologiiia akademicheskoi zhizni* [Anthropology of Academic Life], edited by G. Komarova, 258–264. Moscow: IEA RAN.
- Lépinay, V.A. 2019. *Art of Memories: Curating at the Hermitage*. New York: Columbia University Press.
- Macdonald, S. 2002. *Behind the Scenes at the Science Museum*. Oxford: Berg.
- Macdonald, S. 2011. Expanding Museum Studies: An Introduction. In *A Companion to Museum Studies*, edited by S. Macdonald, 1–12. Cambridge, Mass.: Blackwell Publishing Ltd.
- Marinicheva, M.E. 2015. Antropologiiia vuzovskogo muzeia: liudi i personazhi [Anthropology of a University Museum: People and Characters]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* 4: 318–320.
- McClellan, A. 1994. *Inventing the Louvre: Art, Politics, and the Origins of the Modern Museum in Eighteenth-Century Paris*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Muzaini, H., and C. Minca. 2018. *After Heritage: Critical Perspectives on Heritage from Below*. Northampton: Edward Elgar Pub. Inc.
- Nepliev, P.A. 2020. “Esli chelovek ravnodushen k pamiatnikam istorii svoei strany, znachit, on ravnodushen k svoei strane”: istoriograficheskii obzor istoriko-kul'turnogo aktivizma v pozdnesovetskii period [“If a Person is Indifferent to the Monuments of His Country's History, It Means that He is Indifferent to His Country”: Historiographical Review of Historical and Cultural Activism in the Late Soviet Period]. *Kul'turnyi kod* 3: 38–49.
- Nepliev, P.A. 2022. Publichnaia istoriia “po-sovetski”. Regional'nye otdeleniia Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamiatnikov istorii i kul'tury: “biurokraticheskie pravila igry” i istoriko-kul'turnyi aktivizm [Public History “in the Soviet Way”: Regional Branches of the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture: “Bureaucratic Rules of the Game” and Historical-Cultural Activism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriiia* 3 (58): 79–93.
- Oliver, P. 2006. *Built to Meet Needs: Cultural Issues in Vernacular Architecture*. Oxford: Elsevier.
- Panchenko, A. 2022. “Religiia (dlia) religiovedov?” [Religion for Religious Studies?]. *Anthropologicheskii forum* 53: 233–239.
- Preziosi, D. 2006. Philosophy and the Ends of the Museum. In *Museum Philosophy for the Twenty-First Century*, edited by H.H. Genoways, 74–75. Lanham: Altamira Press.
- Primiano, L.N. 1995. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife. *Western Folklore* 54 (1): 37–56.
- Radchenko, D.A. 2018. “Ne zabyvaite Boga”: vernakuliarnaia religioznost' sovetskikh

- “sviatykh pisem” [“Don’t Forget God”: Vernacular Religiosity of Soviet “Holy Letters”]. *Vestnik RGGU. Serii, Istorii. Filologii. Kul’turologiia. Vostokovedenie* 9 (42): 90–101.
- Rassool, C. 2006. Community Museums, Memory Politics, and Social Transformation in South Africa: Histories, Possibilities, and Limits. In *Museum Frictions: Public Cultures/Global Transformations*, edited by I. Karp, et al., 286–321. Durham: Duke University Press.
- Robertson, I.J.M. 2008. Heritage from Below: Class, Social Protest and Resistance. In *The Ashgate Research Companion to Heritage and Identity*, edited by P. Graham and P. Howard, 143–158. Aldershot: Ashgate.
- Robertson, I.J.M. 2012. *Heritage from Below*. Farnham: Ashgate Pub. Company.
- Rybak, K.E. 2021. *Rol’ i mesto obshchestvennykh muzeev v muzeinoi seti* [Role and Place of Public Museums in the Museum Network]. Moscow: Institut Naslediiia.
- Sherman, D. 1987. The Bourgeoisie, Cultural Appropriation, and the Art Museum in Nineteenth Century France. *Radical History Review* 38: 38–58.
- Sleptsova (Kyzlasova), I.S., and E.G. Chesnokova. 2023. Vernakuliarnyi muzei: k opredeleniiu poniatiiia [Vernacular Museum: Toward the Definition of the Concept]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 92–110.
- Smith, L. 2006. *Uses of Heritage*. London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group.
- Šola, T.S. 2012. *Vechnost’ zdes’ bol’she ne zhivet: tolkovyi slovar’ muzeinykh grekhov* [Eternity does not Live Here Any More – A Glossary of Museum Sins]. Tula: Muzei usad’ba L.N. Tolstogo “Yasnaia Poliana”.
- Vellinga, M. 2011. The End of the Vernacular: Anthropology and the Architecture of the Other. *Etnofoor* 23 (1): 171–192.
- Vergo, P., ed. 1989. *The New Museology*. London: Reaktion Books.
- Watson, S., ed. 2007. *Museums and Their Communities*. London: Routledge.
- Zolberg, V. 1981. Conflicting Visions in American Art Museums. *Theory & Society* 10: 81–102.